

Образ Родины, создаваемый литературными средствами, обращается к культурной памяти. Культурная память включает не только историческую память о событиях, пережитых народом, но и всё пространство мировой культуры. Для выражения образа Родины современный поэт может обращаться к разным темам чужих культур, формируя художественное единство. Рассмотрим, какие культурные топосы использует для создания образа родного Донбасса современный поэт Александр Сигида-сын в стихотворении «Русский Лавкрафт».

Александр Сигида-сын (1986 г. р.) – поэт, переводчик с французского и испанского. Родился в семье шахтёра и учительницы русского языка. Окончил в 2003 году Луганский лицей иностранных языков, в 2010 году стал магистром французской филологии. С 2014 года занимается текстами милитаристического, декадентского, романтического направлений. Любимые авторы – Лимонов, Лавкрафт, Ницше, Гумилёв, Честертон, Киплинг. В 2014 году, когда Украина напала на Донбасс, Александр ушёл в народное ополчение, в настоящее время (2022 год) является военнослужащим в ДНР.

Стихотворение «Русский Лавкрафт» написано в 2016 году. В произведении даётся совершенно неожиданное прочтение узнаваемого донбасского пейзажа. На то, что перед нами воюющий Донбасс – родина автора, указывают такие детали, как степной горизонт и угольные шахты, среди которых находится часовая:

Не спит на часах с винтовкой солдат,
Волком глядит
На горизонт, снежный, степной.
...Видишь знаки разрывов близ угольных шахт?

В этом пейзаже лирический герой последовательно выбирает и отбрасывает следующие жизненные стратегии: читать книги, отгородившись от реальности; оставить окоп и уехать подальше; наблюдать свысока за битвами других.

Первый вариант жизнеустройства открывает стихотворение, которое стоит на выделенном, семантически сильном месте. Это мечта «книжного мальчика, не знавшего битв», по выражению Высоцкого:

Если б я знал,
Я бы остался, как Говард Лавкрафт,
На чердаке, книжным червём, вечный изгой...
Я б не равнял
В зимние ночи лунный ландшафт,
Я бы не брал
Книги в последний, решительный бой.

Второй вариант, всё бросить и уехать, развивает тему отстранения от войны:

Если б любил,
Я бы не вёл себя, словно Лавкрафт,
Как дезертир, я бы оставил стылый окоп...
Плюнув на всё,
С милой еврейкой, Сонею Гафт,
С bad jewish girl
Я переехал бы жить в Конотоп.

И наконец, квинтэссенция этого подхода подытоживает все возможные варианты отстранения от жизни, битвы и войны:

Если б я был
Так беспристрастен, каким был Лавкрафт,
Я бы обнёс владенья мои крепкой стеной...
И свысока я наблюдал бы, как астронавт,
Тех, кто внизу
Всё не поделят шарик земной.

Все эти стратегии описываются и последовательно отбрасываются автором. Сравнивая лирического героя с Лавкрафтом, автор даёт понять, что его персонаж – тоже писатель, создатель волшебных миров. Он стоит перед выбором, ищет свой путь во тьме. Отброшенные альтернативы заставляют читателя отвернуться от других пространств и взглянуться в простор, который открывается перед писателем, смотрящим вперёд.

В последних строфах стихотворения автор создаёт лавкрафтианский пейзаж, перенося реалии произведений короля ужасов в донбасские степи. Среди угольных шахт и бескрайних степей вырисовываются города Кадат и Р'лайх из «Зова Ктулху», Олатоэ из «Полярной звезды», знаменитых рассказов Лавкрафта. Вместе с лавкрафтианскими топосами в пространстве Донбасса возникает атмосфера ужаса, стылой ледяной пустыни, населённой мверзьями, кошмарными призраками-феями из Страны Снов. В этом ландшафте лирический герой ищет свой правильный путь:

И всё хорошо,
Освобождён с боем Кадат,
Снова в поход, Р'лайх – позади,
Там, за спиной...
В Олатоэ
Не спит на часах с винтовкой солдат,
Волком глядит
На горизонт, снежный, степной.

Говард, пора.
Видишь знаки разрывов близ угольных шахт?
Слышишь ли крики мверзей ночных
Над нашей страной?
Фридрих-Вильгельм, снайпер Бодлер и
Русский Лавкрафт
Время – вперёд...
Снова уходят в поход ледяной.

В последних строфах стихотворения путь выбран. Русский писатель, русский Лавкрафт, идёт в бой, уходит в ледяной поход. Если в первой строфе появляется «последний решительный бой» из Интернационала, отсылая к красной идее, то последние слова стихотворения, семантически самая сильная позиция всего произведения, указывают нам на мифологему белого движения – ледяной поход, то есть первый поход Добровольческой армии на Кубань в феврале – апреле 1918 года, её движение с боями от Ростова-на-Дону к Екатеринодару и обратно на Дон (в станицы Егорлыкская и Мечетинская) во время Гражданской войны.

Писатель уходит в ледяной поход, сопровождаемый собратьями-писателями, героями, взрывающими культурные границы и раскалывавшими миры. С поэтом, защищающим родной Донбасс, выступают в ледяной поход Фридрих Вильгельм Ницше, разрушитель европейской культуры, потрясший мир словами «Бог умер», Шарль Бодлер, автор «Цветов зла», сборника стихов, уничтоживших классическую эстетику, и Говард Лавкрафт – создатель мира ужасов, отменяющего и взрывающего сложившуюся эстетику прозы XX века.

Итак, в стихотворении «Русский Лавкрафт» ставится и решается проблема жизненного выбора поэта на войне. Лирический герой отбрасывает привлекательные для интеллектуалов варианты – жить в башне из слоновой кости, стоять над схваткой, уехать подальше. Русский Лавкрафт выбирает путь поэтов, философов, писателей, для которых литература больше, чем забава, которые философствуют молотом, идут против системы. В этом отряде отверженных он уходит в последний решительный бой, в поход ледяной, который состоялся в степях Донбасса в 2014 году. Сквозь обобщённый донбасский пейзаж – шахты, степи – проступают силуэты городов Лавкрафта, где клубится тьма, враждебная человеку. И русский поэт Донбасса идёт сражаться против этой тьмы, выступая наследником и красных, и белых, и проклятых поэтов, и всех, кто не боялся творить.

Таким образом, образ Родины, созданный поэтом Александром Сигидой-сыном, включает в себя разнородные элементы, объединённые в единое целое согласно эстетике постмодерна. Родина для поэта – это Донбасс, который стал ареной борьбы добра и зла, света и тьмы. Против тьмы выступают поэты, идущие в бой за человека. В стихотворении Сигиды происходит олицетворение России в виде литературы, создающей пространство смыслов, объединяющей разные миры. Русский Донбасс в стихотворении «Русский Лавкрафт» становится точкой встречи двух миров – России и поэзии, пространством их слияния и творческого взрыва, формирующего новый универсум.

АЛЕКСАНДР СИГИДА-СЫН РУССКИЙ ЛАВКРАФТ

Если б я знал,
Я бы остался, как Говард Лавкрафт,
На чердаке, книжным червём, вечный изгой...
Я б не равнял
В зимние ночи лунный ландшафт,
Я бы не брал
Книги в последний, решительный бой.

Если б любил,
Я бы не вёл себя, словно Лавкрафт,
Как дезертир, я бы оставил стылый окоп...
Плюнув на всё,
С милой еврейкой, Сонею Гафт,
С bad jewish girl,
Я переехал бы жить в Конотоп.

Если б я был
Так беспристрастен, каким был Лавкрафт,
Я бы обнёс владенья мои крепкой стеной...
И свысока я наблюдал бы, как астронавт,

Тех, кто внизу
Всё не поделят шарик земной.

И всё хорошо,
Освобождён с боем Кадат
Снова в поход, Р'лайх – позади,
Там, за спиной...

В Олатоэ
Не спит на часах с винтовкой солдат,
Волком глядит
На горизонт, снежный, степной.

Говард, пора.
Видишь знаки разрывов близ угольных шахт?
Слышишь ли крики мверзей ночных
Над нашей страной?
Фридрих-Вильгельм, снайпер Бодлер и
Русский Лавкрафт
Время – вперёд...
Снова уходят в поход ледяной.